

УДК 329.3:27(478)

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-19-29

ЗАЩИТА «ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ» И ПРАВОСЛАВНЫЙ РАДИКАЛИЗМ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

А. В. Митрофанова

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
avmitrofanova@fa.ru

Обосновывается на примере Республики Молдова тезис о том, что в условиях внешних вызовов, когда использование общепринятых, конвенциональных методов выстраивания церковно-государственного взаимодействия перестает способствовать реализации интересов Церкви, на передний план могут выйти парацерковные политические акторы, представленные радикальными движениями клириков и мирян, неподконтрольными епископату. Эти акторы отрицают конвенциональные методы политического участия и вступают в конфронтацию с государством вплоть до применения низкоуровневого насилия. Делается вывод о том, что православные радикалы противопоставляют себя не только и не столько государству, сколько церковному руководству, доходя в конечном счете до разрыва с ним. В основе такого вывода лежит рассмотрение противостояния Православной церкви Молдовы государственной политике обеспечения равноправия ЛГБТ, особенно на рынке труда, в соответствии с требованиями Европейского союза. Символическим центром церковно-государственного противостояния стали «парады гордости», в качестве альтернативы которым Церковь организует собственные марши в поддержку семьи и традиционных ценностей. Показывается, что Митрополия Молдовы не смогла убедить правительство в необходимости отмены Закона об обеспечении равенства, используя неформальные договоренности с властями, и была вынуждена перейти к открытому осуждению политики государства. В то же время Церковь в отличие от радикалов не готова к конфронтации с государством. Рассуждения построены на анализе законодательных актов, материалов СМИ и других источников, а также на полевых исследованиях, проводившихся в Республике Молдова в 2011, 2013 и 2019 гг.

Ключевые слова: православный радикализм, Республика Молдова, Закон об обеспечении равенства.

Введение

Религиозный радикализм на постсоветском пространстве ассоциируется в основном с исламом [Verkhovsky, 2010], хотя до начала 2000-х гг. исследователи и правоохранительные органы уделяли много внимания радикализму новых религиозных движений. Под радикализмом в статье понимается использование религиозными акторами неконвенциональных методов политической борьбы. Хосе Казанова предположил, что в светском обществе религиозные организации могут и должны участвовать в обсуждении общественно значимых проблем, если они соблюдают общепринятые демократические процедуры и правила [Casanova, 1994, p. 57]. В постсоветском контексте конвенциональные методы заключаются не столько в соблюдении демократических процедур (которым не следует ни один участник политического процесса), сколько во встраивании религиозных организаций в систему неформальных контактов между представителями власти и общественными группами давления (см. [Митрофанова, 2004, с. 174]). Русская православная церковь добилась изменений в российском законодательстве именно посредством неформальных контактов. Например, 3 августа 2018 г. была принята новая редакция статьи 222 Гражданского кодекса РФ, согласно которой для религиозных организаций не действует правило о сносе самовольно построенных капитальных объектов недвижимости. Религиозные организации могут строить без специальных разрешений властей на своем или чужом земельных участках объекты недвижимости культового назначения, которые не только не снесут, но и зарегистрируют на правах собственности¹.

Православная церковь Молдовы (далее – ПЦМ или митрополия Молдовы) является в соответствии с томосом Патриарха Алексия II от 1994 г. автономной в составе Русской православной церкви. Ею управляет собственный собор, но его решения утверждает Патриарх Московский и всея Руси, от которого ПЦМ получает святое миро. В постсоветский период митрополия Молдовы хорошо проявила себя в сфере налаживания неформальных контактов, позволяющих воздействовать на власть для принятия полезных для себя решений, но ее попытки прямого участия в демократическом процессе оказались неудачными. На парламентских выборах 2010 г. митрополит Владимир лично поддержал Гуманистическую партию, получившую 0,9 % голосов [Спрынчанэ, 2013, с. 47]. После этого митрополия отказалась от выражения политической позиции в национальном масштабе, но на выборах мэра Кишинева в 2015 г. митрополит открыто поддержал Серафима Урекяну, получившего 2,7 % голосов.

Цель статьи – продемонстрировать, каким образом потребность в обеспечении православной реакции на вызовы современности приводит к выделению внутри Церкви неподконтрольного епископату, радикального движения клириков и мирян. Разногласия этого движения и Церкви касаются не догматики, а методов взаимодействия с государственной властью. Поскольку сфера церковно-государственного взаимодействия в Молдове, как и в России, неформализована и полностью закрыта, наличие рядом с ПЦМ самостоятельных православных политических субъектов остается незамеченным. В России существование неподконтрольных церковному руководству мирянских движений давно признано исследователями (см., например [Верховский, 2003; Митрофанова, 2004; Шнирельман, 2017]). В Молдове церковная жизнь более закрыта от публики, и исследователи обычно воспринимают внецерковные и околоцерковные движения как часть Церкви. Например, В. Спрынчанэ пишет, что действия радикалов, разрушивших в 2009 г. еврейскую менору в центре Кишинева, доказывают, что Церковь «способна возродить антисемитизм» [Спрынчанэ, 2013, с. 51], хотя Митрополия Молдовы не имела отношения к данной акции и публично ее осудила. В. Мунтяну также утверждает, не приведя каких-либо доказательств, что Церковь «обращается к экстремистским или сомнительно православным группам» и «не дистанцируется» от их действий [Munteanu, 2015, p. 59]. Научной литературы, посвященной политическому активизму парацерковных движений в Молдове, пока не существует; их деятельность рассматривается в общем контексте церковно-государственного взаимодействия (см., например: [Iordache, 2019]).

Методологически статья построена на анализе законодательных актов и других документов, а также на использовании материалов включенного наблюдения и полуструктурированных исследовательских интервью с представителями ПЦМ, государственных органов Республики Молдова и радикальных движений. Полевые исследования проводились в Кишиневе в 2011, 2013 и 2019 гг.

Европейская интеграция как моральная проблема

Интеграция в европейское пространство жизненно важна для Молдовы: Европейский союз является ее основным торговым партнером. В 2019 г. на Евросоюз пришлось 64.6 % экспорта и 50 % импорта (Activitatea de comerț..., 2019), 42 % средств, которые высылают домой работающие за рубежом граждане, поступает из стран ЕС (В 2018 году граждане..., 2019). Тем не менее для многих стран Восточной и Юго-Восточной Европы проблематичной является концепция Евросоюза не только как экономического объединения, но и как сообщества, основанного на демократических ценностях защиты свобод и прав человека. Первоначально европейская интеграция носила функциональный характер, но разработка «копенгагенских критериев» (1993) означала появление требований к внутренней политике стран-кандидатов в Евросоюз. Процесс территориального расширения ЕС фактически завершился в 2007 г., когда он вобрал в себя все относительно развитые экономики постсоциалистических государств². Затем Европейский союз приступил к установлению взаимодействия с прилегающими государствами, которое не предполагало членства в обозримой перспективе, но позволяло получить преференции в виде облегчения режима пересечения границы. Чтобы быть уверенным в дружественном характере своей геополитической периферии, ЕС выдвигает не только перед кандидатами, но и перед странами-партнерами ряд требований, касающихся внутренней политики, в том числе таких, которые в 2004 г. не выступали даже в качестве условий вступления в Евросоюз. Вызванные

европейской интеграцией изменения в сфере законодательства и внутренней политики стран-партнеров получили название «европеизация» [Vink, 2003, p. 63].

Наиболее болезненной для самого Евросоюза стала тема обеспечения равноправия – не на словах, а на деле – людей, относящихся к категории сексуальных меньшинств или ЛГБТ³, особенно в сфере занятости. К. Слоотмекерс и Х. Туке обратили внимание на то, что данная тема не была приоритетной для раундов расширения ЕС в 2004 и 2007 гг., когда важнее считалась тема равноправия цыган [Slootmaeckers, Touquet, 2016, p. 27]. Но к тому времени, когда европеизация достигла Молдовы, права ЛГБТ успели приобрести символическое значение – как знак приверженности европейским ценностям (см. Bilic, 2016; Slootmaeckers, Touquet, Vermeersch, 2016; Sremac, Ganzevoort, 2015)]. Стратегия расширения Евросоюза на 2013–2014 гг. предполагала нулевую терпимость к дискриминации по принципу ориентации, так как «никакая форма дискриминации не может быть оправдана с помощью религиозных или культурных ценностей» (Enlargement Strategy, 2013, p. 11).

В этом контексте сторонники и противники европеизации воспринимают ее как вызов «традиционным» ценностям (см. [Zorgdrager, 2013; Brüning, 2014; Stepanova, 2015; Stoeckl, 2016; Agadjanian, 2017; Köllner, 2018, и др.]), содержание которых сводится к следующему: «Наличие христианских символов в общественном пространстве, противодействие всем формам прав ЛГБТ, ограничения объема прав женщин и детей, противодействие абортам, эвтаназии, исследованию человеческой репродукции и стволовых клеток, а также защита прав верующих на выражение религиозных взглядов, т.е. борьба против тех аспектов свободы слова, которые могут быть восприняты как богохульство» [Stoeckl, 2016, p. 143].

В какой мере общество отвергает ценности Евросоюза во имя «традиционных», зависит от социально-экономической ситуации в каждой стране. В России указанные ценности, несмотря на официальную поддержку, традиционными не являются, поэтому их приходится (ре)конструировать на основе разнообразных моральных принципов, имеющих различное происхождение, включая так называемый позднесоветский моральный консерватизм [Agadjanian, 2017, p. 42–43; Stepanova, 2019]. Помимо этого, постсоветское российское общество рассматривается современными исследователями как морально амбивалентное и привычное к расхождению нравственных идеалов с практикой [Agadjanian, 2017, p. 42–43].

Молдавское общество сохраняет до сих пор сельский характер, обусловленный относительно поздней советизацией Правого берега Днестра, где сейчас располагается подконтрольная Кишиневу Республика Молдова. Левый берег, где находится самопровозглашенная Приднестровская Молдавская Республика, вошел в составе СССР с самого основания как автономная республика в составе Советской Украины и пережил не только индустриализацию, но и антирелигиозные кампании. Из 891 церковного здания, находившегося за Днестром в 1917 г., к июлю 1941 г. функционировало только одно [Шорников, 2011, с. 165]. Правый берег попал под советский контроль только в 1939 г., когда геополитические устремления Советского государства и интересы Русской православной церкви на этой территории временно совпали. До начала войны Бессарабия не испытала ни жесткой антирелигиозной пропаганды, ни национализации церковной собственности; репрессированы были только 27 священников, из которых казнены четверо [Стратулат, 2010, с. 114]. Советское государство даже помогало восстановлению канонической власти Русской церкви.

Советская Молдавия не была в значительной степени затронута и антирелигиозной волной послевоенного периода. В.Козлов указывает, что в 1956 г. там функционировало 14 мужских и женских монастырей [Козлов, 2009, с. 314], в то время как на территории РСФСР в 1954 г. насчитывалось только два мужских монастыря, причем оба были открыты после войны [Онищенко, 2011]. Наступление на православие на Правом берегу началось только в период так называемых «хрущевских гонений», когда в результате сопротивления местных жителей закрытию женского монастыря в селе Рэчула один человек был застрелен милицией [Козлов, 2009, с. 316–317]. «Берега» различались и по демографическим показателям: большинство индустриальных гигантов было сосредоточено на Левом, руководящие кадры обычно приезжали из других республик СССР и дистанцировались от жизни и ценностей местного населения [Hill, 1977]. Напротив, в правобережной части Советской Молдавии руководящие кадры становились

«национальными», местная интеллигенция ассоциировала себя с румынским этносом и отказывалась от советской идентичности [см. *Cașu*, 2014].

Специфика правобережной Молдовы способствовала сохранению массовой ритуализированной религиозности, которую Д.Карневале определяет как «частную», «сведенную к домашним ритуалам и некоторым праздникам» [*Carnevale*, 2019]. Последнее утверждение в целом справедливо, хотя сельская религиозность предполагала также посещение храмов и общение со священниками. В этом смысле можно говорить о сохранении в Молдове традиционных православных ценностях, даже если традиция претерпевала упрощение и искажение в процессе передачи от досоветских поколений к родившимся в советское время.

История Закона о равенстве шансов Республики Молдова

Защита традиционных ценностей приобрела особое значение после смены режима в 2009 г. Находившаяся ранее у власти Партия коммунистов Республики Молдова подчеркивала «дружеские» отношения с митрополией. В июне 2010 г. победившие на выборах партии, ориентированные на максимальную интеграцию республики с Европейским союзом, начали диалог о либерализации визового режима, в ходе которого был принят план действий, представляющий собой рамочную конструкцию, конкретное наполнение которой зависело от различных документов, принимавшихся Евросоюзом. План посвящен главным образом вопросам безопасности и улучшения правовой системы, но включает и требования, касающиеся равноправия меньшинств (Блок 4 – Внешние отношения и фундаментальные права), без отдельного упоминания о дискриминации на основе сексуальной ориентации (*Action Plan...*, 2010). Первый доклад, в котором оценивалось продвижение страны в направлении выполнения европейских требований, содержал ссылку на Директиву Европейской комиссии 2000/78/ЕС о равенстве прав в сфере занятости и о недискриминации на основе сексуальной ориентации (*Council Directive*, 2000). Директива считается поворотным пунктом, с которого вопрос об интеграции с Евросоюзом связывается с темой равноправия ЛГБТ [*Slootmaeckers, Touquet*, 2016, p. 24].

Молдова взяла на себя обязательство принять новый закон об обеспечении равенства различных категорий меньшинств, который соответствовал бы европейским критериям. Первая редакция законопроекта «О равенстве шансов», спешно подготовленная правительством и представленная парламенту в начале 2011 г., вызвала неприятие не только Церкви и общества, но и значительной части депутатов. Уже в первой статье его указывалось на недопустимость дискриминации по признаку сексуальной ориентации, тем самым данное положение распространялось на весь последующий текст. Статья восьмая предполагала полный – без исключений для религиозных организаций – запрет на дискриминацию в сфере занятости (*Proiectul de lege...*, 2011). Такой жесткий подход не являлся необходимостью, так как даже в Директиве 2000/78/ЕС, ставшей одним из источников закона, указывается, что организации религиозного или философского характера, в порядке исключения, имеют законную возможность не нанимать на работу людей, не разделяющих этику данных организаций (*Council Directive*, 2000).

Закон был отозван и переработан в соответствии с требованиями Евросоюза. В разговоре со мной (2013) тогдашний министр юстиции Олег Ефрим сказал: «Мы учли все пожелания Церкви, за исключением того, чтобы этого закона не было». В новой редакции, представленной в сентябре 2011 г., упоминание о сексуальной ориентации удалили из первой статьи; взамен было указано, что положения закона «не распространяются и не могут быть истолкованы как наносящие ущерб» «семье, основанной на браке по взаимному согласию между мужчиной и женщиной», «отношениям усыновления», «религиозным культам и их составным частям в части, связанной с религиозными убеждениями» (Закон № 121, 2012). Последнее дополнение имплицитно предполагает, что понятие дискриминации не будет распространяться на высказывания православных верующих о греховности однополых отношений. Понятие «сексуальная ориентация» упоминается только в седьмой статье, посвященной запрету на дискриминацию в сфере трудоустройства, но и там сделана оговорка, что «в рамках профессиональной деятельности религиозных культов и их составных частей не является дискриминацией дифференцированное отношение, основанное на религии или убеждениях лица, когда религия или убеждения составляют существенное, законное и обоснованное профессиональное требование» (Закон № 121, 2012)].

Во втором докладе о достигнутом прогрессе отмечалось, что Директива 2000/78/ЕС содержит упоминание о возможности сделать для религиозных организаций исключение из общих требований, касающихся равенства (Second progress report..., 2012). Упоминание брака как союза мужчины и женщины в новой редакции Закона было истолковано как полностью соответствующее положению 22: Директива «не наносит ущерба национальным законам, касающимся брачного статуса» (Council Directive, 2000). Положения, касающиеся усыновления, подверглись критике как несоответствующие прецедентам Европейского суда по правам человека и ряду статей Европейской конвенции по правам человека, запрещающим при усыновлении дискриминацию на основе сексуальной ориентации (Second progress report..., 2012, p. 21).

Принятие парламентом закона об обеспечении равенства (принят 25 мая 2012 г., вступил в силу 1 января 2013 г.) привело к серьезным изменениям в законодательстве и правоприменительной практике Молдовы. В частности, в октябре 2013 г. была отменена поправка в Кодексе о правонарушениях, устанавливающая наказание за распространение информации об отношениях, помимо связанных с браком и семьей. В глазах верующих это означало снятие административного запрета на пропаганду «нетрадиционных» отношений. Интересно, что эта поправка была принята в июне того же года по требованию митрополии, чтобы смягчить отрицательную реакцию последней на новый закон. Для выполнения функций омбудсмана был образован новый государственный орган – Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства. Судьи, полицейские и другие чиновники прошли переподготовку и тренинги, чтобы учитывать требования нового закона в повседневной деятельности.

Для Республики Молдова, как и для большинства постсоветских и постсоциалистических государств, сложность представляет обеспечение равноправия инвалидов, носителей ВИЧ, цыган, религиозных меньшинств или даже – несмотря на эгалитарное советское законодательство, оставшееся в общем неизменным – женщин. Но на передний план общественной дискуссии постоянно выходит вопрос равноправия ЛГБТ. А. Агаджанян полагает, что причиной этого является заимствование церковным руководством и активистами идей из арсенала позднего советского консерватизма (так как собственная идейная база остается неразработанной), в результате чего символической точкой противостояния сторонников и противников европеизации стало именно равноправие ЛГБТ, а не аборт, который «на любом уровне советского этоса едва ли виделся как моральная проблема» [Agadjanian, 2017, p. 43]. Молдавское общество, как показывают социологические исследования, склонно к выбору консервативных ценностей, при этом полностью отвергают аборт 46 % опрошенных, в то время как гомосексуализм – 79 % [Войку, Кэши, Кожокариу, 2017, с. 18].

Символическое противостояние по вопросу обеспечения равенства затронуло все молдавское общество, обострив имеющиеся в нем противоречия, в том числе между «титульной» группой и этническими меньшинствами, которые использовали тему ЛГБТ, чтобы лишний раз продемонстрировать наличие собственных интересов. Например, частично автономная территория Молдовы Гагауз-Эри в 2012 г. объявила о запрете «гомосексуальной пропаганды» на своей территории, а 30 апреля 2014 г. Народное собрание Гагаузии с целью «минимизации возможных негативных последствий для гагаузского народа при реализации норм» закона об обеспечении равенства приняло собственный закон «Об обеспечении принципов равноправия, справедливости и объективности», содержащий оговорку: «Не является дискриминацией в сфере занятости и трудоустройства отказ в приеме на работу в случае афиширования своей нетрадиционной сексуальной ориентации» (Закон № 15-X/V, 2013). О создании «зоны особой поддержки Церкви» и запрете «агрессивной пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации» объявил муниципальный совет «северной столицы» – города Бельцы, где процент русскоговорящего населения выше, чем в Кишиневе (Бельцы провозгласили..., 2012). Эти заявления и документы, не имевшие практических последствий, относительно быстро были дезавуированы местными судами высокой инстанции, так как очередной доклад о достигнутом прогрессе оценил их как отступления от намеченного пути.

Позиция митрополии Молдовы после принятия Закона о равенстве шансов

Несмотря на серьезные изменения проекта закона, позволившие учесть мнение митрополии, оставшись в рамках европейского законодательства, ни Церковь, ни радикальные околоцерковные группы не были удовлетворены принятым документом. В частности, не соблюдать

европейские требования при приеме на работу имеют право только религиозные организации (приходы и др.), но не аффилированные организации (православные школы, магазины, любые другие предприятия, которыми руководят или собственниками которых являются православные).

Противодействие новому законодательству со стороны митрополии Молдовы основано на ряде документов, опубликованных Русской православной церковью, в частности, на «Основах учения Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008). В документе используется концепция традиционных ценностей, при этом подчеркивается, что Церковь готова защитить семью «в традиционном понимании» и «права отдельной личности не должны быть разрушительными для уникального уклада жизни и традиций семьи» (Основы учения..., 2008). В данном контексте государство, если оно выступает за полное равенство, особенно в семейно-брачной сфере, предстает как основной нарушитель прав человека, а Церковь – как институт, намеренный их защищать. Позиция Церкви отразилась, например, в выступлении патриарха Кирилла в Киргизско-российском университете: он сравнил западное законодательство об однополых браках с расовыми законами нацистов и южноафриканским законодательством об апартеиде и пришел к выводу о том, что люди имеют право не подчиняться законам, которые «порывают с нравственностью» (Слово..., 2017).

Митрополия Молдовы оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, она пытается выполнять свою часть негласного договора с властями и сохранять лояльность государству, одновременно выражая несогласие с его политикой. С другой стороны, епископат и рядовые священники подвергаются давлению радикалов (клириков и мирян), требующих разорвать «договор» с государством и перейти к конфронтации – вплоть до уличных боев с полицией. Митрополия, оказавшаяся между двух огней, вынуждена постоянно лавировать, делая шаги то навстречу радикалам, то навстречу властям. Например, 20 июня 2013 г. митрополит Владимир публично озвучил решение Синода ПЦМ о том, что политики, поддержавшие принятие Закона об обеспечении равенства, могут быть не допущены к причастию (В Молдавской церкви..., 2013). Однако никаких отлучений не состоялось, более того, 21 июня Синод выступил с разъяснением, что такие меры теоретически возможны, но пока не приняты (Spre atenția..., 2013). Обсуждая впоследствии эту тему с известным представителем радикалов протоиереем Анатолием Чибриком, митрополит Владимир прокомментировал: «Я всегда стараюсь не спешить и, как правило, это работает в нашу пользу» (Европейский Союз..., 2013). Сходная ситуация сложилась и 3 сентября 2014 г., когда Синод одобрил заявление о «провокационной» секуляризации со стороны Европейского союза, где последний подвергается критике за распространение аморализма и разрушение православной цивилизации [Declarația Sinodului..., 2014]. Документ был принят в результате давления радикальных священников и мирян, которые летом того же года более месяца проводили протестную акцию (палаточный лагерь) у здания митрополии, требуя жесткой реакции на принятие законодательства о равенстве (Протесты..., 2014) [Sprînceană, 2014]. Официально заявление не было дезавуировано, но практических шагов в области противодействия европеизации ПЦМ не сделала. Беседуя со мной в январе 2019 г., секретарь митрополии протоиерей Вадим Кейбаш подчеркнул, что «мы не видим в евроинтеграции только процесс этих законов о равенстве... Если государство ориентировано уже на этот процесс [евроинтеграции] – церковь разве может быть против?»

Диверсификация православных акторов в ходе протестов против последствий нового законодательства

К 2013 г. «парады гордости» ЛГБТ стали «лакмусовой бумажкой» для проверки на «готовность к членству в ЕС» (Enlargement Strategy..., 2013, p. 11) [Slootmaeckers, Touquet, 2016, p. 26]. В большинстве постсоциалистических государств они также являются символом протеста против непризнания равноправия сексуальных меньшинств. «Директивы Совета Европейского союза для продвижения и защиты обеспечения всех прав человека для представителей ЛГБТИ» обязывают представителей ЕС и его отдельных государств публично оказывать поддержку ЛГБТИ в третьих странах, включая «участие в осуществлении свободы собраний и выражения (например, публичные мероприятия, "марши гордости")» (Guidelines..., 2013). Помимо этого, в июне 2012 г. Европейский суд по правам человека вынес решение по делу «Genderdoc-M против Молдовы» в пользу защищающей права ЛГБТ неправительственной организации, которая

заявила, что мэрия Кишинева с 2005 г. незаконно отказывает ей в разрешении на манифестацию (Case of Genderdoc-M..., 2012). С учетом сложившихся обстоятельств в мае 2013 г. в Кишиневе состоялось первое шествие ЛГБТ. Присутствие иностранных дипломатов, а также стремление властей выполнить требования Евросоюза привело к использованию для охраны «парада» полиции особого назначения.

С этого момента в Молдове развивается характерное для стран Восточной и Юго-Восточной Европы противостояние по поводу «парадов гордости» между сторонниками европеизации и теми, кто отстаивает «традиционные» ценности, концептуализированные как самобытные и национальные. Отличие Молдовы, например, от Сербии заключается прежде всего в том, что первая не имеет и в обозримой перспективе не получит статуса кандидата в члены Евросоюза. Другое важное отличие: в европейских странах (Сербии, Польше, Румынии) массовые протесты против «парадов гордости» обычно связаны с выражением жесткой националистической позиции [Igrutinović et al., 2013; Stan, Turcescu, 2007]. Специфика Молдовы в том, что титульная этническая группа (молдаване) фактически не обладает консолидированной идентичностью. Существуют немногочисленные, хотя довольно воинственные, румынские националисты (те, кто отрицает существование отдельной молдавской этнонации), но они обычно принадлежат не к ПЦМ, а к Румынской православной церкви. Члены таких движений (например, молдавское ответвление румынской националистической организации Noua Dreaptă – Новые правые) участвуют в акциях радикалов против «парадов гордости». В остальном сторонники самобытных ценностей организуются не под флагом молдавского этнонационализма (которого, собственно, не существует), а на основе принадлежности к Православной церкви.

Разногласия митрополии Молдовы и государства достигли такой степени, что в 2013г. Церковь организовала собственный ежегодный марш в поддержку семьи и традиционных ценностей, во главе которого шел митрополит Владимир. Подобные манифестации проводились и в других странах, но обычно не были организованы напрямую Церковью (тем более не предполагали участия предстоятеля), как, например, в Сербии, где «семейные прогулки» организовывала мирянская парацерковная организация Dveri (Врата) (см [Igrutinović, 2013; Jovanović, 2018]). В этом смысле степень вовлеченности митрополии Молдовы в политическое противостояние является беспрецедентной для православных церквей. Тем не менее по отношению к «параду гордости» мероприятие носит не столько конфронтационный, сколько альтернативный характер, так как не предполагает прямого противостояния сторон. Оно также не является конфронтационным по отношению к властям, о чем свидетельствует регулярное участие в шествии президента республики Игоря Додона.

Радикально настроенные миряне и священники, напротив, сделали ставку на неконвенциональные методы борьбы, предпринимая раз за разом попытку физически атаковать «парад гордости». Эти действия являются конфронтационными не только по отношению к ЛГБТ, но и по отношению к государству (так как нарушают общественный порядок), хотя в наибольшей степени отражают конфронтацию радикалов с церковным руководством. Значительная часть священников и мирян, участвующих в радикальном политическом противостоянии, открыто порвала канонические связи с митрополией Молдовы и епископатом Русской православной церкви в целом, перейдя в разряд «непоминающих». Последнее предполагает принципиальный отказ уходить из Церкви в раскол или иные юрисдикции с одновременным прекращением поминать на литургии современный епископат, в частности, молдавские радикалы не молятся ни за патриарха Кирилла, ни за митрополита Владимира. Не все радикалы относятся к «непоминающим», но все находятся в состоянии конфронтации с митрополией.

Выводы

Противостояние защитников традиционных ценностей и сторонников европеизации в Республике Молдова подтверждает существование разнородных православных политических акторов, из которых далеко не все контролируются епископатом канонических Церквей. В условиях, когда достигнутый неформальный консенсус между Церковью и государством оказывается разрушен, парацерковные радикальные движения вступают в конфронтацию не столько с властями, сколько с церковным руководством. Радикалы представляют собой низовое движение православных клириков и мирян, недовольных слабой реакцией Церкви на болезненные вызовы со стороны внешнего мира. Церковь со своей стороны сталкивается с тем, что нефор-

мальные договоренности больше не работают, и пытаются уйти от конвенциональных методов продвижения своих интересов в диалоге с властями, в том числе через публичную политическую деятельность.

Примечания

¹ Пример подсказан А. Толмачевым.

² Вступление в него Хорватии было отложено до 2013 г. по политическим причинам и не предполагало отдельного раунда расширения.

³ В европейских документах используется также аббревиатура ЛГБТИ, где «И» означает «интерсексуалы».

Список источников

Бельцы провозгласили себя зоной, свободной от пропаганды гомосексуализма // Комсомольская правда. 2012. 27 февр. URL: <https://www.kp.md/daily/25841.5/2813168/> (дата обращения: 02.09.2019).

В 2018 г. граждане Молдовы, работающие за границей, перечислили на родину более 200 миллионов долларов // Publika.md. 2019. 27 янв. URL: https://ru.publika.md/v-2018-godu-grazhdane-moldovy-rabotayushhie-za-granicey-perechislili-na-rodinu-bolee-200-millionov-dollarov_2173989.html#ixzz5хувUnbKR (дата обращения: 02.09.2019).

В Молдавской церкви придумали наказание для политиков, поддерживающих республиканский закон о равноправии гомосексуалистов // Newsru.com. 2013. 21 июня. URL: <https://www.newsru.com/religy/21jun2013/pcm.html> (дата обращения: 02.09.2019).

Европейский Союз оказывает прессинг на верующих в Бога с целью их манипуляции. Заявление митрополита Владимира Молдавского // Москва – Третий Рим. 2013. 27 июля. URL: <https://3rm.info/publications/37327-evropeyskiy-soyuz-okazyvaet-pressing-na-veruyuschih-v-boga-s-celyu-ih-manipulyacii-zayavlenie-mitropolita-vladimira-moldavskogo.html> (дата обращения: 02.09.2019).

Закон № 121 от 25.05.2012 «Об обеспечении равенства». URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=343361&lang=2> (дата обращения: 02.09.2019).

Закон № 15-X/V от 30.04.2013 «Об обеспечении принципов равноправия, справедливости и объективности» // Народное собрание Гагаузии, URL: <https://www.halktoplushu.md/index.php/zakonodatelstvo/zakony-ato-gagauziya/912-ob-> (дата обращения: 02.09.2019).

Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Официальный сайт Московского Патриархата. 26 июня 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616> (дата обращения: 02.09.2019).

Протесты перед зданием Митрополии Молдовы будут продолжены // Vedomosti.md. 2014. 23 июля. URL: <http://www.vedomosti.md/news/protesty-pered-zdaniem-mitropolii-moldovy-budut-prodolzheny> (дата обращения: 02.09.2019).

Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Киргизско-Российском славянском университете в Бишкеке // Официальный сайт Московского Патриархата. 29 мая 2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4918384.html> (дата обращения: 02.09.2019).

Action Plan on Visa Liberalisation with Moldova, Publication date: 2010, URL: <https://library.euneighbours.eu/content/action-plan-visa-liberalisation-moldova> (дата обращения: 02.09.2019).

Activitatea de comerț exterior a Republicii Moldova în ianuarie-iunie 2019, 15.08.2019, URL: <http://www.statistica.gov.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=6435> (дата обращения: 02.09.2019).

Case of Genderdoc-M v. Moldova (application no. 9106/06) Judgment, Strasbourg, 12 June 2012, URL: https://www.humandignitytrust.org/wp-content/uploads/resources/Genderdoc-M_v_Moldova.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // Official Journal L303, 02/12/2000, p. 0016–0022, URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32000L0078:EN:HTML> (дата обращения: 02.09.2019).

Declarația Sinodului Bisericii Ortodoxe din Moldova referitor la provocările secularizante ale Uniunii Europene. 3 septembrie 2014. URL: <https://mitropolia.md/wp-content/uploads/2014/09/nr.04a.jpg> (дата обращения: 02.09.2019).

Enlargement Strategy and Main Challenges 2013-2014. 16.10.2013 COM(2013) 700 final. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2013/package/strategy_paper_2013_en.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

Guidelines to Promote and Protect the Enjoyment of all Human Rights by Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender and Intersex (LGBTI) Persons // Foreign Affairs Council meeting. Luxembourg, 24 June 2013, URL: <https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/137584.pdf> (дата обращения: 02.09.2019).

Proiectul de lege privind prevenirea și combaterea discriminării, 22.02.2011. URL: <http://www.parlament.md/ProcesulLegislativ/Proiectedeactelegislative/tabid/61/LegislativId/551/language/ru-RU/Default.aspx> (дата обращения: 02.09.2019).

Second progress report on the implementation by the Republic of Moldova of the Action Plan on Visa Liberalisation, 9.2.2012. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/news/intro/docs/20120209/md_2nd_pr_vlap_swd_2012_12_final.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

Spre atenția societății civile și a reprezentanților mass-media! 21 iunie 2013. URL: <https://mitropolia.md/spre-atenția-societății-civile-si-a-reprezentanților-mass-media/> (дата обращения: 02.09.2019).

Библиографический список

Верховский А. Политическое православие. Русские православные фундаменталисты и националисты, 1995–2001 гг. М., 2003. 316 с.

Шнирельман В. Кто и как оскорбляет чувства: православие и радикализм // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 152 – 171; № 4. С. 101 – 115.

Войку О., Кэш Дж., Кожокариу В. Церковь и государство в Республике Молдова / Fundația Soros-Moldova. Chișinău: S. n., 2017. 60 с.

Козлов В. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2009. 463 с.

Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004. 296 с.

Онищенко А.Б. Материалы о положении и деятельности монастырей в СССР по документам Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР (1950–1963), 21 июня 2011. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/1769530.html> (дата обращения: 02.09.2019).

Спрычанэ В. Бог в «зонах пограничья» // Pro et Contra. 2013. Май – август. С. 45–58.

Стратулат Н. Православная Церковь в Молдавии в контексте истории молдавско-румынских церковных отношений в XX веке: Дис.... канд. теологии. СПб., 2010. 290 с.

Шорников П. Церковная агрессия Румынии. 1941–1944 // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XX вв.). М., 2011. С. 162–187.

Agadjanian A. Tradition, morality and community: elaborating Orthodox identity in Putin’s Russia // Religion, State and Society. 2017. 45 (1). P. 39–60.

Bilic B. (ed.). LGBT Activism and Europeanisation in the Post-Yugoslav Space: On the Rainbow Way to Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 256 p.

Brüning A. Morality and Patriotism: Continuity and Change in Russian Orthodox Occidentalism since the Soviet Era // Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness: Values, Self-Reflection, Dialogue / Ed. by A. Krawchuk, Th. Bremer. New York: Palgrave, 2014. P. 29–46.

Carnevale D. A Context-Grounded Approach to Religious Freedom: The Case of Orthodoxy in the Moldovan Republic // Religions. 2019. 10 (5). P. 314 URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/5/314/htm> (дата обращения: 02.09.2019).

Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994. 330 p.

Cașu I. «The Quiet Revolution»: Revisiting the National Identity Issue in Soviet Moldavia at the height of Khrushchev’s Thaw (1956) // Euxeinos. 2014. No. 15/16. P. 77–91.

Ejdus F., Božović M. Europeanization and indirect resistance: Serbian Police and Pride Parades // International Journal of Human Rights. 2016. 31 March.

- Hill R. J.* Soviet Political Elites: The Case of Tiraspol. New York: Palgrave Macmillan, 1977. 226 p.
- Igrutinović D., Sremac S., Berg M. van den.* Pride Parades and/or Prayer Processions: Contested Public Space in Serbia #Belgrade Pride // *Journal of Empirical Theology*. 2015. No. 28. P. 1–22.
- Iordache R.* The Dichotomy between Europeanisation and the Revival of Moldovan Orthodoxy: The Strategy of the Moldovan Orthodox Church in Relation to Equality Legislation // *Orthodox Religion and Politics in Contemporary Eastern Europe: On Multiple Secularisms and Entanglements* / Ed. T. Köllner. London: Routledge, 2018. P. 145–156.
- Jovanović S. M.* The Dveri Movement Through a Discursive Lens. Serbia's Contemporary Right-Wing Nationalism // *Sudosteuropa: Journal of Politics and Society*. 2018. №. 4. P. 481–502.
- Köllner T.* Religious conservatism in post-Soviet Russia and its relation to politics: empirical findings from ethnographic fieldwork // *New Conservatives in Russia and East Central Europe* / Ed. K. Bluhm, M. Varga. New York: Routledge, 2018. P. 245–259.
- Munteanu V.* Behind the Curtain: The relationship between the Moldovan state and Church // *Traditional Religion and Political Power: Examining the Role of the Church in Georgia, Armenia, Ukraine and Moldova* / Ed. A. Hug. London: Foreign Policy Centre, 2015. P. 57–64.
- Slootmaeckers K., Touquet H.* The Co-evolution of EU's Eastern Enlargement and LGBT Politics: An Ever Gayner Union? // *The EU Enlargement and Gay Politics: The Impact of Eastern Enlargement on Rights, Activism and Prejudice* / Ed. K. Slootmaeckers, H. Touquet, P. Vermeersch. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. P. 19–44.
- Slootmaeckers K., Touquet H., Vermeersch P.* (eds). *The EU Enlargement and Gay Politics: The Impact of Eastern Enlargement on Rights, Activism and Prejudice*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 238 p.
- Sprinceană V.* De la Biserica neamului la Biserica Anti-Gay: radicalizarea ortodoxiei moldovenești în ajunul campaniei electorale. 8 Sept. 2014. URL: <http://www.platzforma.md/arhive/2926> (дата обращения: 02.09.2019).
- Sremac S., Ganzevoort R.R.* (eds). *Religious and Sexual Nationalisms in Central and Eastern Europe: Gods, Gays and Governments*. Leiden: Brill, 2015. 188 p.
- Stan L., Turcescu L.* *Religion and politics in post-communist Romania*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 288 p.
- Stepanova E.* «The Spiritual and Moral Foundation of Civilization in Every Nation for Thousands of Years»: The Traditional Values Discourse in Russia // *Politics, Religion and Ideology*. 2015\16. № 2/3 P. 119–136.
- Stepanova E.* Competing Moral Discourses in Russia: Soviet Legacy and Post-Soviet Controversies // *Politics, Religion and Ideology*. 2019. Vol. 20. Issue 3. P. 340–360.
- Stoekl K.* The Russian Orthodox Church as Moral Norm Entrepreneur // *Religion, State and Society*. 2016. 44 (2). P. 132–152.
- Verkhovsky A.* Russian approaches to radicalism and 'extremism' as applied to nationalism and religion // *Russia and Islam: state, society and radicalism* / Ed. R. Dannreuther and L. March. New York: Routledge, 2010. P. 26–43.
- Vink M.* What Is Europeanisation? and Other Questions on a New Research Agenda // *European Political Science*. 2003. Autumn. P. 63–74.
- Zorgdrager H.* Homosexuality and Hypermasculinity in the Public Discourse of the Russian Orthodox Church: an Affect Theoretical Approach // *International Journal of Philosophy and Theology*. 2013. 74 (3). P. 214–239.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.09.2019

PROTECTING «TRADITIONAL VALUES» AND ORTHODOX RADICALISM (THE CASE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA)

A. V. Mitrofanova

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo str., 24/35, b. 5, 117218, Moscow, Russia

Financial University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky ave., 49, 125993, Moscow, Russia

avmitrofanova@fa.ru

Based on the case of the Republic of Moldova, the author shows that when the Orthodox Church faces external challenges, its regular and conventional methods of building church-state relations do not promote ecclesiastical interests anymore. Paraecclesiastical political actors represented by radical movements of clergy and laity uncontrolled by the bishops move to the foreground. Such actors renounce conventional methods of political participation and even use low-intensity violence to confront the state. The author concludes that Orthodox radicals are antagonists not so much to the state, but to the Church leadership, eventually splitting from the Church altogether. This conclusion is backed by analysing antagonism between the Orthodox Church of Moldova and the state policy of securing – in accordance with the EU requirements - equal employment rights for the LGBT people. Symbolically, pride parades became the focus of the church-state confrontation. As an alternative to them, the Church has organized its own rallies in support of family and traditional values. The article demonstrates that, by using informal negotiations, the Metropolitanate of Moldova failed to convince the state authorities that the Law on Ensuring Equality should be called back; as a result, it was forced to openly criticize state policy. At the same time, unlike the radicals, the Church is not ready to confront the state. The publication's methodology includes analysing legal documents, mass media materials, and other sources, and on the author's fieldwork in the Republic of Moldova in 2011, 2013, 2019.

Key words: Orthodox radicalism, Republic of Moldova, Law on Ensuring Equality.

References

- Kozlov, V. (2009), *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-h gg.)* [Popular unrest in the USSR in the time of Khrushchev and Brezhnev], ROSSPEN, Moscow, Russia, 463 p.
- Mitrofanova, A.V. (2004), *Politizatsiya «pravoslavnogo mira»* [Politicization of the «Orthodox World»], Nauka, Moscow, Russia, 296 p.
- Onishchenko, A.B. (2011), *Materialy o polozhenii i deyatel'nosti monastyrey v SSSR* [Materials about the position and activities of monasteries in the USSR], available at: <http://archive.bogoslov.ru/text/1769530.html> (accessed 2.09.2019).
- Shnirel'man, V. (2017), «Who insults the feelings, and how: Orthodoxy and radicalism», *Neprikosnovennyi zapas*, № 3, pp. 152 – 171; № 4, pp. 101 – 115.
- Shornikov, P. (2011), «Romanian church aggression. 1941–1944», in Kashirin, V. (ed.), *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem* [Romania's Eastern policy in the past and present], Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy, Moscow, Russia, pp. 162–187.
- Sprinceana, V. (2013), «God in the borderland zones», *Pro et Contra*, May – August, pp. 45–58.
- Stratulat, N. (2010), *Pravoslavnaya Tserkov v Moldavii v kontekste istorii moldavsko-rumynskih tserkovnyh ot-nosheniy v XX veke* [Orthodox Church in Moldavia], PhD dissertation, St. Petersburg's Spiritual Academy, St. Petersburg, Russia, 290 p.
- Verhovskiy, A. (2003), *Politicheskoe pravoslavie. Russkie pravoslavnye fundamentalisty i natsionalisty, 1995-2001 g.* [Political Orthodoxy. Russian Orthodox fundamentalists and nationalists, 1995-2001], Tsentr «Sova», Moscow, Russia, 316 p.
- Voicu, O., Cash, J. & V. Cojocariu (2017), *Church and State in the Republic of Moldova*, S. n., Chişinău, Moldova, 60 p.